

The background of the cover is a close-up photograph of a man and a woman. The man is on the left, looking intensely at the camera. The woman is on the right, her face partially obscured by her hand, with only one eye visible, looking towards the camera. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows.

Диана
Фад

ЛеДи
Ди

НЕ ГОВОРИ

обо мне никому

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Диана ФАД
ЛеДиДи -
Не говори обо мне никому

<https://litres.ru/74373613>

Аннотация

— Или ты берешься за ум, Вадим или вали на все четыре стороны! — отец стоял напротив меня, сложив руки на груди, — Я тебе дал все: образование, обеспеченную жизнь, мотоцикл твой идиотский, а ты? Что дал мне ты?! — Наследника я тебе дал, — фыркаю в ответ. — Наследника?! — голос отца разносится на два этажа, — На хрена мне такой наследник, который в офисе не появляется? Ты хотя бы знаешь, чем наш холдинг занимается? — Знаю, ты мне с детства вместо сказок рассказывал на ночь. Но это не значит, что я такой же, как ты! Я не просил тебя делать из меня своего преемника, мне неинтересно ТВОЕ дело!

От автора: история про Вадима Высотина и Илану. Встретились в довольно тяжелый период для обоих, совершили ошибку, за которую пришлось расплачиваться. У каждого в голове свой мир в который они не пускают никого, но только любовь заставит их остановиться и принять друг друга. Понять. От автора: история Лики сестры Максима в "Измена. Тебе меня не забыть" История Максима и Вари в книге "Прощай. До встречи с тобой"

Очень эмоционально Присутствует мягкий мат, пара слов на всю книгу))♥#

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1

— Вадим, ты куда опять? — мама кричит мне в след, но я делаю вид, что уже не слышу.

Сдергиваю с вешалки черную мотоциклетную куртку и выскакиваю на крыльцо.

— Машину, Вадим Викторович? — тут же подрывается охранник. Молодой парень, только недавно на работу приняли. Еще не в курсе, что ко мне лучше вообще не лезть.

— Пошел на х..., — огрызаюсь, широким шагом направляясь к гаражу.

Там обычно стоит пять машин, сейчас на месте три. Одна моя, вторая сестры, третья — матери. Отец уехал на работу, на своем Майбахе, а за ним охрана на Ленд Ровере. Но мне сейчас на хрен эти машины не сдались. Подхожу к будке охраны у ворот, кидаю в окошко ключи.

— Мотоцикл выгони, — киваю Петровичу, что служит у нас уже лет пятнадцать.

— Вадим Викторович, ваш отец... — начинает тот.

— Слушай, Петрович, я у тебя спрашивал? — поворачиваюсь к нему, стягивая пальцы в кулаки на руках, — Я сказал, выгони!

— Не могу, Вадим Викторович, должен у вашего отца спросить, — Петрович берется за трубку телефона. А я впечатываю кулак в окно будки. Закаленное стекло звенит, ко-

стяжки обжигает болью.

— Ну, спроси... — тихим голосом говорю Петровичу, а тот шире открывает глаза. Мой тон не предвещает ничего хорошего.

Зло клокочет внутри, сжигая кровь в венах. Я готов разнести эту будку к чертям. Хожу по площадке перед гаражом, впечатывая берцы в брусчатку. Мне срочно нужен мотоцикл!

— Ваш отец сказал, что Андрей отвезет, — выглядывает в свое окно Петрович, — Мотоцикл брать не велено.

— Бл*, Петрович! Ты меня чего бесишь, а?! Я же сказал, что мне нужно! — взрывает меня до бешенства, — Сам возьми!

Иду к воротам, толкая плечом дверь, залетаю внутрь гаража и понимаю, что мне не выехать. Охрана не откроет ворота. Бью кулаком по капоту машины матери, оставляя вмятину на свежей Ауди. Черт, еще и это. Бесит, все бесит! Батя бесит. Условия его бесят, чтобы учился, чтобы гонки забросил, чтобы к нему на работу ходил после Университета. А я не хочу быть канцелярской крысой как он, не хочу!

Сидеть весь день за бумагами, протирать дорогие штаны, носить костюмы и галстуки? Да ни за что! Лучше вообще из дома уйду, пусть подавятся своим наследством. Вон, сестра есть. Уже выросла. Школу скоро закончит на одни пятерки. Чем не наследница?

— Ты должен продолжать нашу фамилию... — так и слышу голос отца.

Заеб*** со своей фамилией. Будто она какая уникальная. Высотин и Высотин, ну да, не Сидоров, Иванов, Петров и что дальше? Кира замуж когда-нибудь выйдет, детей нарожает, осядет дома, а муж ее пусть нашим холдингом и управляет. Я пас.

В кармане куртки оживает телефон, и я тупо смотрю на экран, на смеющуюся девушку, которая только что сказала мне, что выходит замуж за другого. Скидываю звонок, стекая по бетонной стене на пол. Сижу, закусив руку с телефоном. Смотрю на несколько пропущенных от Лики. Что сейчас ты от меня хочешь? Сказала же десять минут, что все, адье, товарищ Высотин, досвидос по полной программе.

Не знаю зачем, но сдвигаю пальцем точку на зеленую трубку.

— Вадим, наконец-то, — голос Лики встревоженный и мне становится немного теплее, — Вадим, я теперь переживать буду.

— О чем, — говорю как можно суше, а у самого внутри все скребет до боли, — Ты мне все сказала, я понял.

— Правда? — обрадованно спрашивает Лика, — Ты не обижаешься на меня?

— Нет, — произношу сквозь зубы.

— Но мы с тобой останемся друзьями, как прежде, да? Ты же не перестанешь со мной разговаривать, если я выйду замуж за Артура?

Вот хочется просто заорать на нее в ответ. Сказать: «Да

что ты за дура такая?! Люблю я тебя, люблю и буду любить всегда!».

— Останемся, — произносят против воли мои губы.

— Хорошо, спасибо. Я бы не хотела лишиться такого друга, как ты, — облегченно вздыхает Лика, — Всегда считала, что ты самый лучший мой друг в этом мире.

Считала она, а я так не считал. Я думал, что Лика тоже меня любит. Как мужчину любит, а не мальчика для веселья. Нет, у нас ничего не было в плане близости, и никто никому ничего не обещал. Но когда она позвонила и сказала, что выходит замуж, меня сорвало напрочь.

Сердце сжалось, и я почувствовал, как внутри меня что-то разлетается на кусочки. Я не ожидал такой новости от Лики. Ведь мы всегда были близкими друзьями, делились своими радостями и проблемами. Я всегда думал, что у нас есть специальная связь, что мы понимаем друг друга без слов. А теперь она говорит о свадьбе, о новой жизни без меня.

Меня охватило чувство глубокой потери, как будто я теряю самого близкого человека. Я был с ней всегда, с самого детства. Поддерживал и помогал, а теперь все это может исчезнуть. Мы с детства были вместе, наши родители дружили. У Лики был брат, Максим, но по возрасту мы с Ликой были ровесники.

Когда она огорошила меня этой новостью по телефону, я словно взбесился. Так вот куда она последнее время пропадала. На свидания бегала к своему Артуру. Как ни позвоню

— я занята или уже ухожу, а тут на тебе, свадьба!

Лика заметила мою неожиданную реакцию и попыталась объяснить свой выбор. Она сказала, что наша дружба всегда будет оставаться особенной для нее, но она хочет построить свою собственную семью. Я пытался понять ее, но внутри меня все еще бушевали эмоции. Я понимал, что должен быть рад за Лику, ведь ей так хотелось настоящей любви и счастья, но в то же время чувствовал, что теряю кусочек своей жизни. Я мог дать ей все это, мог! Но было одно но, Лика не любила меня. Меня никто не любил, кроме сестры.

Я не мог проявить свои истинные чувства, я не мог рассказать Лике, что люблю ее больше, чем просто друга. Сквозь боль и внутренне истекая кровью, я пожелал ей счастья в новой жизни. Я был готов пожертвовать своим собственным счастьем ради ее счастья. Может быть, в будущем мы сможем сохранить нашу особенную связь, но сейчас мне придется привыкнуть к мысли, что Лика будет принадлежать не только мне. Такова цена дружбы.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ.

ВОЗРАСТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ 18+ Сцены насилия.

Глава 2

Ночная тусовка началась с опозданием. Все собрались почти в полночь. Расчистили трассу в сторону Крылатского, перекрыли мотоциклами, что своим рычанием наполняли округу. Въезд на территорию клуба Ночных волков открыт и было видно большой грузовик, обшитый металлом, что носил название «Mad Max». Грузовик был непростой, в полночь бочка откроется и получится импровизированная сцена, где до рассвета будет шоу, выступление музыкантов и фейерверк.

Я подрулил к мотоциклам, что выстроились в ряд в стороне от грузовиков и ворот. Слез со своего коня и пару раз присел, чтобы размять затекшие ноги. Только что вернулся с байк-шоу, что проходило в Волгограде. Нас там было тысячи, а то и больше со всей страны. Шоу закончилось пару дней назад, и все уже давно были в Москве, только я немного задержался, провел день у моря, доехав до Краснодара. На черта мне нужно было туда, сам не понял.

— Высота! — кричит мне один из друзей и я, улыбаясь, иду к нему.

Общий разговор ни о чем, как доехал, чем буду заниматься. А я еще и не знаю сам. Домой вообще не хочу, там отец сейчас встретит меня, как всегда, руганью. В итоге тупо наливаюсь, закачивая в себя коньяк. На пустой желудок са-

мое-то. А когда начинается концерт, вообще сносит голову. Вырубает меня ближе к рассвету, прямо на своем мотоцикле.

Просыпаюсь, щека прилипла к бензобаку, сам его обнимаю. Все тело затекло так, что мои стоны перемешиваются с отборным матом, пока разгибаюсь.

Подхожу к раковине, что установлена прямо на улице и хорошенько так смываю с опухшей морды хмель. Голова гудит, что легче отрубить, чем как-то пережить этот день. Пью прямо из сложенных ладоней холодную воду из-под крана и в голове немного проясняется. Нужно ехать домой, почти месяц там не был. Точнее, к родителям надо заехать, к себе на хату поеду позже. Иначе мать будет волноваться. Я еще помню, что у меня есть родители и сестра.

Завожу мотоцикл и еду. Медленно, почти наслаждаясь каждым мгновением, постепенно прибавляю скорость. Воздух в шлеме пропитан запахом перегара, который, похоже, доносится от меня на расстоянии нескольких верст. Это уже стало привычным для меня, и я уверен, что моя мать снова будет ругаться, когда вернусь домой. Но я уже взрослый мальчик и сам решаю, чем заниматься. А вот с отцом встречаться не хочу, снова начнет учить меня, как жить.

Когда я окончил университет сразу сказал, что работать у него в офисе не собираюсь. Какой скандал был! Я думал, отца инсульт хватит. Пришлось свалить, громыхнув дверью об косяк. Почти три месяца скитался по знакомым, пока не кончились деньги. Пришлось возвращаться домой, но тут отец

встал в позу.

— Или ты берешься за ум, Вадим или вали на все четыре стороны! — стоял напротив меня, сложив руки на груди, — Я тебе дал все: образование, обеспеченную жизнь, мотоцикл твой идиотский, а ты? Что дал мне ты?!

— Наследника я тебе дал, — фыркаю в ответ.

— Наследника?! — голос отца разносится на два этажа, — На хрена мне такой наследник, который в офисе не появляется? Ты хотя бы знаешь, чем наш холдинг занимается?

— Знаю, ты мне с детства вместо сказок рассказывал на ночь. Как ты не можешь понять, что не мое это, сидеть в твоём душном офисе и решать вопросы, которые довольно примитивные, скучные?

— Эти вопросы скучные, как ты говоришь, дают тебе горючее и ремонт для твоего мотоцикла. Только в сравнении с ним, ты хоть что-то понимаешь, — отец отходит к своему столу и касается рукой левой стороны груди, — Я последний раз тебе говорю или ты идешь, занимаешься холдингом, или мы с тобой прощаемся.

-Вот как, — встаю с дивана и направляюсь к двери.

— Я говорил серьезно. Ты даже дочь Эдуарда профукал, а такая партия была, — дополняет отец, а меня всего передергивает.

Зря он про Лику сказал, словно по сердцу полоснул. Никто не знает, что я действительно ее любил. Ради нее я бы отсидел в этом офисе, возможно, даже стал тем человеком,

сыном, которого хочет мой отец. Но Лика вышла замуж за другого. Полюбила другого. И она счастлива с ним, со своим мужем. Уже два года, как счастлива.

Останавливаюсь около двери и берусь за ручку, чтобы открыть. Знаю, что сейчас по ту сторону, в коридоре, наверняка стоит мама и слушает наш разговор. Она ужасно волнуется, что отец выгонит меня из дома, лишит наследства, денег. Поворачиваюсь медленно к отцу, встречаю его сердитый взгляд.

— Я пойду в твой офис, попробую сделать так, как ты хочешь, но если ты еще раз вспомнишь про Лику...

— Понял, извини, — поднимает руки отец, — Я лишь хочу, чтобы было кому передать наше дело после моей смерти. Ты ничего не знаешь о бизнесе, который есть у нас. Ты должен научиться!

— Я ничего и никому не должен, — огрызаюсь в ответ, — Это ТВОЙ бизнес, не мой. Ты начал его еще со своим отцом, тебе все это нравится. Моя жизнь другая и я не должен жить твоей жизнью! Мне твоя не нравится, ясно?!

— Ради матери и Киры, — устало отвечает отец и идет за стол, садится в кресло, — Меня не станет, кто им поможет? Они не справятся без тебя. Мать и твоя сестра привыкли к определенному комфорту. Кира учится, живет обеспеченной жизнью. Ты их оставишь без всего, что я столько лет им даю?

— Многие люди живут довольно счастливо и с меньшим

количеством денег, — фыркаю в ответ.

— Это МОЕ дело! Дело моего отца, всей жизни. Я за него кровь свою проливал в девяностых, зубами выгрызал, отца потерял. И я был ненамного старше тебя, когда все оказалось в моих руках. И я встал у руля, продолжил. Все, что мы сейчас имеем, это благодаря мне. Все, что имеешь и ты! — отец разводит руками, выглядит, словно покори́л весь мир.

— Но это не значит, что я такой же, как ты! Я не просил тебя делать из меня своего преемника, мне неинтересно ТВОЕ дело!

И я уехал, просто вышел из дома прихватив свой рюкзак. Укатил на мотоцикле в свою жизнь, состоявшую из пьянок, ночных гонок, длинных переездов. Исколесил полстраны, ночуя в дешевых отелях, а иногда и под звездным небом. И мне это нравилось!

Глава 3

Подъезжаю к дому, с удивлением отмечаю открытые ворота и отсутствие охраны. У нас что сегодня праздник какой, что никто не работает? Проезжаю по небольшой аллее и паркуюсь у высокого крыльца. Взлетаю по мраморным ступеням и уже берусь за ручку массивной дубовой двери, когда взгляд цепляется за что-то черное. Вглядываюсь и делаю шаг назад, на двери висит большой черный бант.

По позвоночнику поднимается противная ледяная волна. Мне реально страшно. Это не может быть каким-то декором, ни мать, ни сестра никогда не повесят на дверь такое уродство. Я не был на связи... День или два? Не помню. Как выехал из Волгограда, так и отключил телефон, чтобы побыть полностью независимым от всего.

Все-таки берусь за ручку и распахиваю дверь. Вхожу внутрь, оглядываясь по сторонам и тут же встаю столбом от страха. На большом зеркале в холле висит черный тюль. Мне это уже не нравится, очень не нравится. Пугаюсь до тремора в руках.

Стягиваю куртку и швыряю ее на банкетку, но она падает на пол. Я не замечаю этого, иду дальше в гостиную. Тут тоже никого нет. Страх охватывает с головы до ног, заставляя сердце биться как сумасшедшее в груди.

— Мам, — тихо говорю я, но мне никто не отвечает. Мой

голос пропадает в пустоте, словно затерялся в мире, где никого нет, кроме меня. Страх начинает охватывать меня все сильнее, мое дыхание становится тяжелым. Мое сердце сжимается от тревоги. Я чувствую, что должен сделать что-то, найти ответы.

Очередной взрыв страха заставляет меня действовать. Я должен все узнать, должен найти комнату родителей, найти маму, мое сердце готово выскочить из груди. Я ощущаю, что что-то не так, что моя жизнь перевернулась с ног на голову.

Но только не мать, нет! И не Кира! Да и вообще никто, что за бред, но вот оно, еще одно зеркало в гостиной и также закрыто черным.

— Мам! — начинаю кричать и взлетаю по лестнице на второй этаж в комнату родителей, — Мам! — ору на весь дом и врываюсь в комнату. Но тишина снова встречает меня. Ни звука, ни признака жизни. Комната пуста и холодна. Я обшариваю каждый уголок, но не нахожу ничего, что было бы свидетельством их присутствия.

Мой страх становится все более мучительным. Я начинаю бояться, что я и сам исчезну, оставив свою жизнь и любимых позади. Меня охватывает отчаяние, и я не знаю, что делать.

Бегу в комнату Киры и резко открываю дверь. На кровати кто-то лежит, и я вздыхаю облегченно, словно с меня упала каменная плита. Подхожу и сажусь на край кровати, трогаю за плечо. Сейчас все выглядит неправдоподобно, словно я оказался в кино и играю одну из главных ролей. Подавляю

внутри нервный смешок, что сейчас на месте моей сестры будет страшный монстр.

Тормошу ее, вызывая лишь слабый стон.

— Кира, что случилось, заяц? — называю сестру ее любимой кличкой. Она младше меня на пять лет, и я всегда относился к ней как старший брат. Для меня она была маленьким неразумным и избалованным ребенком, но мной, несомненно, любимым.

Свернутый в одеяла кокон начинает шевелиться и откуда появляется бледное личико сестры. Она смотрит на меня чуть прищурившись, словно не узнает.

— Вадим? — хриплый голос дороже для меня любой музыки. С одним определились, но где остальные, мама, отец?

— Кира, а что происходит? — тянусь к сестре, убирая с ее лица спутанные волосы. Отмечаю опухшие красные глаза на заплаканном лице.

— Вадим, — выдыхает сестра и подтягивает к себе одеяло, словно ей холодно.

Мне кажется, что Кира не в себе. Какой-то отсутствующий взгляд, словно она не понимает, где находится и что происходит.

— А где все? Ворота открыты, охраны нет, мамы тоже и где отец? — ну вот я и спросил про отца. Сейчас наша с ним ссора не имеет значения. Мне нужно, чтобы все были рядом.

— Папа он, — Кира оглядывает безумным взглядом свою комнату, где розовые шторы, куча игрушек. Хоть сестре уже

и восемнадцать, но она еще как ребенок, маленькая красивая девушка, — Вадим, а папа... Мы звонили тебе... Я звонила раз сто или больше. Я звонила Вадим, а ты... Ты не ответил!

И Кира начинает рыдать, взрывается этими долбанными слезами, словно трубу прорвало. Заикается, стонет как от боли. Вот теперь я пугаюсь до чертиков и подскакиваю к ней, обнимаю, вжимаю ее голову в свою грудь. Сестра дрожит всем телом и плачет, заливая меня своей соленой водой.

Я никогда не видел, чтобы Кира так плакала. Меня разрывает на куски от ее боли. Я еще не понял, что случилось, но слезы Киры меня добивают своей болью. Мне становится тяжело дышать, и я отталкиваю от себя мысли, что крутятся в моей голове. Не хочу думать, что я прав и уже понял, что случилось. Нет, этого не может быть!

— Папы больше нет, — завывает Кира, чем подтверждает мои опасения, — Вчера вечером... Больше нет!

Сажу рядом с сестрой, оглушенный такой новостью и прижимаю ее к себе крепче. Как это нет? А куда... Да в смысле нет?!

Мои мысли никак не собираются в кучу, не могу просто представить масштаб всего случившегося. До меня еще не дошло, что отца не стало. Как вообще такое может быть, я же с ним даже не попрощался. Но тут же другая мысль приходит, главная, пугающая еще больше. Я теперь наследник всего и теперь я отвечаю за свою сестру и мать. Отец был прав, я совершенно не готов к этому. И мне становится страшно.

Глава 4

Мама вернулась поздно вечером, и я ее узнал не сразу. Она словно постарела лет на десять. Глаза ввалились, под ними черные тени. Волосы небрежно заколоты в распутившийся пучок. На ней черное платье, колготки и туфли на невысоком каблуке. Никогда не видел ее такой, потерянной, что ли.

— Вернулся, — потухшим голосом произнесла она, усаживаясь на диван в гостиной, — А он тебя ждал. До последнего дня ждал.

Столько в этой фразе было боли и столько укора в мою сторону, что я не смог найти достойный ответ.

— Я говорила ему, что ты живешь своей жизнью, пусть даст тебе свободу, но ты поступал как угодно тебе.

— Мам, — поморщился, сел с ней рядом и взял ледяную токую кисть в свои руки, — Прости, мам.

— Я?! — как-то с надрывом произнесла она, поворачиваясь ко мне, — Ты не у меня должен был просить прощения, а у отца.

— Мы с ним все выяснили перед моим отъездом, — попытался оправдаться, но меня никто не слушал.

— Ничего вы не выяснили, отец очень переживал, Вадим, — мать выдернула свою руку из моих ладоней и встала с дивана.

— Ты где была? — я тоже встал и пошел за ней как привязанный.

Мы медленно поднялись по лестнице и направились в комнату родителей. На пороге мама постояла и закрыла дверь в комнату. Прошла в соседнюю и легла на гостевую кровать, сложив руки на груди и устремив взгляд в потолок.

— Я была в морге, оформляла бумаги и договаривалась насчет похорон. Приезжал Максим, взял всю организацию на себя. У меня нет сил заниматься всем этим.

— Когда похороны?

— Завтра в полдень, — сухо ответила мама, а я прошел и сел на кровать рядом с ней.

— Ты как?

— Что? — непонимающе уставилась она на меня, — Твой отец умер от инфаркта в пятьдесят три года, а ты спрашиваешь, как я?

— У всех своя судьба, никто не знает, когда придет его час, — чтобы успокоить маму, произнес я.

— Час своего отца приблизил ты, никто больше. Сколько лет ты трепал ему нервы, Вадим. Его сердце некаменное, уже давно болело. Я все заставляла его провериться, пропить поддерживающие препараты. Ты каждый раз вколачивал гвозди в крышку его гроба. Теперь ты доволен? Можешь делать все, что хочешь, свободен. Можешь пить, гулять, накачиваться дурыю, гонять на своем мотоцикле. Некому тебя остановить, все.

— Мам, зачем ты так? — мне больно от ее слов, я понимаю, что по-своему она права, но это не моя вина во всем, что случилось.

— Ты убил своего отца, Вадим. Ты лишил меня мужа, а у Киры отобрал отцовскую любовь. Если бы ты не портил отцу нервы, он был бы жив.

Мама даже не смотрит на меня, когда говорит эти слова. А мне так больно, что я не могу дышать.

Я сижу на краю кровати, закрыв лицо руками, пытаюсь сдержать слезы. Меня охватывает горечь и бессилие. Как могла моя жизнь так стремительно измениться? Раньше я был просто обычным парнем, у которого были свои проблемы и ошибки, но ничего серьезного. А теперь мама считает меня убийцей. И она не одна в этом мнении.

И словно контрольный выстрел, чтобы добить меня словами:

— Отец очень переживал вашу ссору и вчера пришел расстроенный с работы, что-то там у него не ладилось. Когда я попросила позвонить тебе, чтобы ты вернулся и взял часть его обязанностей на себя, разразился скандал. Папа кричал, что ты недостойн, что не такого сына он хотел и очень жалеет, что в свое время потакал твоим увлечениям. Жалеет, что смотрит на твои пьянки спустя рукава, думал молодой, наиграешься. А ты заигрался. Тебе пора было взрослеть, а мы дали тебе слишком много возможностей и свободы. Теперь у тебя есть все, деньги, власть. И мы с Кирой зависим

от решений самого ненадежного человека на свете — тебя!

Как я вышел из комнаты, где осталась мать, как спустился и сел на свой мотоцикл, не знаю. Ее слова словно выжигались на моем сердце чьей-то невидимой рукой. Было так больно, что я положил голову на руки, облокотившись на руль.

— Вадим! Вадим! — раздался вопль Киры, которая бежала ко мне из дома, спотыкаясь в своих розовых меховых тапочках и в пижаме такого же цвета с белыми зайчатами, — Вадим!

Я резко поднял голову и слез с мотоцикла, принимая сестру в свои объятия.

— Не уезжай, слышишь! Не смей! — кричала Кира и била меня маленькими кулачками в грудь, — Ты не можешь бросить меня сейчас одну. Там мама, ей нужна помощь, а как же я, Вадим? Ты и меня оставишь, да? Я не смогу одна, я что-нибудь с собой сделаю, Вадим, ты не имеешь права уехать!

И сестра уткнулась лицом в мою шею, рыдая и заливая черную футболку горячими слезами.

— Не оставляй меня, — рыдала она, а я все крепче сжимал ее плечи, касаясь подбородком ее макушки и сжав до боли глаза. Еще немного и я сам узнаю, что такое слезы, но не сейчас, не сегодня.

— Кира... — начал я, пытаюсь подобрать слова, как-то успокоить.

— Не смей! — еще один удар в грудь, довольно ощутимый, — Ты всегда бежал от нас, бежал из дома, как будто тут

тебе воняет или мы не твоя семья. Пришло время взять на себя обязанности папы. Ты не смеешь оставить нас с мамой!

— Не смею, — тихо произнес я, вспоминая слова отца, что после его смерти именно я буду нести ответственность за мать и сестру. Как же он был прав, отец всегда был прав, а я только хотел жить своей жизнью, не чужой.

— Пойдем в дом, холодно, — я повел Киру, обнимая за плечи в дом.

Сестра немного успокоилась и теперь только всхлипывала, вытирая мокрое лицо рукавом своей пижамы. Перед входом в дом резко остановилась, разворачивая меня к себе:

— Пообещай мне сейчас, Вадим, — ее опухшие от слез глаза гневно сверкали.

— Что пообещать? — я даже немного улыбнулся, первый раз вижу ее такой решительной и сердитой.

— Что ты не бросишь нас с мамой и сделаешь все, чтобы мы все были вместе.

Молчание повисло между нами. Кира требовала ответа, а я не хотел давать обещание, которое, скорее всего, не смогу исполнить.

— Обещай! — истерично закричала Кира, топая ногами. Как девочка в магазине, которой не купили игрушку. Но в одном сестра была права. Они все, что осталось у меня ценного в этой жизни.

— Обещаю, — выдохнул я, еще не понимая на что согласился.

Глава 5

Ненавижу похороны, хотя странно бы звучало, если бы я их любил. Тем более, похороны своего отца. Все пафосно, дорого, народ кучкуется в черных брендах и бриллиантах. Я стою рядом с мамой и Кирой, поддерживаю их за локти.

Я вообще на кладбище всего второй раз, как-то не было возможности посетить это место. Был последний раз, когда бабушка умерла и то, я был слишком маленьким, чтобы понимать всю суть этой церемонии. Сейчас проникся, особенно в крематории, где последний раз увидел отца. Сейчас мне эта серебряная урна ничего не говорила. Отец остался для меня там, в гробу, который медленно уходил в гудящую печь.

— Всех прошу проехать в ресторан, — раздался голос Максима, друга моего отца.

Не совсем, правда, Максим был довольно младше, но наши отцы долгое время дружили. Вместе отвоевывали свой бизнес в девяностые. А еще Максим, брат Лики. И сама она стоит чуть в стороне, под руку с высоким красавцем, ее мужем. Соединение семейных капиталов, как же, по ним видно, что любят друг друга. Он ей что-то говорит, а Лика к его плечу прижимается. Сука, что опять больно-то как. Да и вообще, какое мне дело до их отношений?

В ресторане столы ломятся от еды, икра, хамон, семга. Залпом выпиваю первую рюмку горькой водки и не закусываю.

ваю. Кира косится на меня и сует мне в рот кусочек ржаного хлеба. Машинально жую, осматривая толпу, что собралась на поминки.

Максим и его отец произносят речь, хорошие слова, про-никновенные. Мне тошно, в голове муть полная. Вина да-вит так, что хоть волком вой. Отца увидел, такого спокой-ного, умиротворенного, вспомнил, как кричал на меня при последней встрече. Убил, да, я его убил.

Закидываю еще пару рюмок и поднимаюсь. Все смотрят на меня, думают, я тост хочу сказать, а у меня слова все из головы вылетели. Что я скажу, прощения просить на виду у всех, а кому это нужно? Сказать, какой отец был хороший мужик, бизнесмен, человек? Я и так это знаю. Только вот до меня еще не дошло ни черта, что он БЫЛ, а теперь его НЕТ.

— Земля пухом, — выдаю еле слышно и выпиваю, видя, как морщится моя мать.

— Вадим, — дергает меня за полу черного пиджака Кира, — Садись.

— Что ты меня толкаешь все время? — огрызаюсь на нее, смотрю мутными глазами.

Слишком громко сказал, так, что звук приборов разом за-тих и разговоры прервались. Снова все смотрят, словно я здесь главное развлечение сегодняшнего вечера.

— Концерта не будет, господа, — ухмыляюсь и плюхаюсь на свое место, цепляя рукавом тарелку со стола. Та с грохо-том падает на пол, разбивается на тысячу мелких осколков.

Домой добираюсь с матерью и Кирой. Сразу занимаю отцовский кабинет и сажусь в его кресло. Перед этим достаю из бара бутылку коньяка и тупо наливаюсь им до отключки. В кабинет периодически пытаются проникнуть то мать, то Кира, что-то мне говорят, но я молча ухожу к себе в комнату и валюсь спать. А утром опять возвращаюсь к бару. В таком состоянии проходит девять дней, затем месяц, пока не раздался тот звонок Лики, который вывел меня из спячки.

— Вадим, нужно встретиться, — предлагает она.

— Легко! — пьяно смеюсь в ответ, — Ты уже ушла от своего мужа или рога ему хочешь наставить? Так я всегда за, Лика. Я же друг, помогу чем смогу. Мы же должны помогать друзьям, да?

— Ты пьяный, что ли? — возмущается она.

— А мне так проще жить, Лика. Бати нет, никто мне ничего не запрещает, неинтересно, знаешь ли, — верчу перед собой бокал с виски, разглядываю янтарную жидкость, — Ты знаешь, мать запретила пополнять запас теперь моего бара. А кто хозяин в доме, а, Лика? Я! Значит, меня должны слушаться или нет? Так они прячут теперь бутылки, только не от меня, а от матери, представляешь? Вот так и живем, я пью, а все вокруг страдают. Кайф, оправдываю свою репутацию.

— Вадим, давай поговорим, ну, пожалуйста, — просит Лика, — Я приеду сейчас, побуду с тобой.

— Останешься на ночь? — издеваюсь я, — А как же муж? Ему рога пойдут, как думаешь?

— Знаешь, что, я думала мы с тобой друзья. Мне просто Киру стало жалко и твою маму.

— А меня тебе не жалко, Лика? Совсем? А не пошла бы ты куда подальше вместе со своим красавцем — мужем!

— Я тебя не узнаю совсем, — печально произносит Лика,
— Я думала мы друзья.

— Мы. Не друзья. И никогда ими не будем.

Произнес по словам, слушая всхлипывания Лики на том конце трубки.

— Жаль, Вадим, — наконец, отвечает она и я слышу короткие гудки.

— Да пошли вы все на ху*! — кричу на весь дом, запуская бокал с виски в стену.

Встаю, пошатываясь и направляюсь на выход. Выхожу на крыльцо и поворачиваюсь к дому:

— Все пошли! — кричу неизвестно кому, натягивая на себя мотоциклетную куртку.

Путаюсь в рукавах, ругаюсь, подхожу к посту охраны.

— Машину мне.

— Вадим Викторович может вам поспать? — предлагает молодой охранник.

— Ты че сука, не знаешь, на кого теперь работаешь? — зверем смотрю на него и вскоре получаю свою машину.

Сам за руль не сажусь, хоть что-то в голове еще осталось.

— В клуб, — приказываю водителю и отрубаясь, прислонившись к стеклу машины.

Не вижу, как в окно смотрит мама, провожает мою машину взглядом. Плачет, зажимая ладонью рот. А мне хорошо, я ничего не чувствую, я не сплю, а словно в бреду, где меня качает во все стороны. И там я снова вижу укоризненный взгляд отца, который смотрит на меня с отвращением. В его глазах такое осуждение и укор, что я вздрагиваю всем телом. И возвращаюсь, прихожу в себя, открываю глаза.

Машина уже подъезжает к клубу, и я выхожу, приказывая водителю меня не ждать. Приеду сам, когда мне будет нужно, если будет нужно. Сейчас у меня одна цель, напиться так, чтобы не видеть этот осуждающий взгляд и ничего не чувствовать.

Глава 6

В клубе все привычно, я здесь часто раньше был, когда хотелось сбежать из дома и подцепить какую-нибудь девочку. Сейчас бы тоже не помешало с кем-нибудь провести время, желательно на горизонтальной поверхности. Но все это потом. Пока обхожу первый этаж, где расположен танцпол, и поднимаюсь на второй. За первым же столиком в открытой зоне VIP замечаю своих друзей.

— Высота! — кричат мои собраты по гонкам на мотоциклах.

Плюхаюсь на красный кожаный диван рядом с какой-то девицей и тяну для приветствия руку.

— Давно тебя не было видно, — улыбается, пожимая своей лапищей мою руку Медведь. Он у нас самый брутальный из всех, или входит в топ двадцатку. Бородатый, рыжий, с отросшими патлами, но мужик красивый. Бабы на него прямо кидаются. Несмотря на то, что он своим ростом и габаритами похож на шкаф. Да и мотоцикл у него подстать, Харлей, на котором спать можно.

— Отца хоронил, — объясняю я мужикам, слушаю сочувствующий гул голосов, и вскоре мы уже пьем водку, не чокаясь.

А далее все сливается в один сплошной туман. Я даже танцую, прижимаясь бедрами к какой-то девице. Затем снова

пью, пока не возвращаюсь на танцпол, а вот там я вижу ее. Даже своим замутненным алкоголем взглядом понимаю, что девица очень хороша. До неприличия хороша. И я сейчас не про кожаный топ с шипами на ее чуть смуглом теле.

Невысокая, изящная как статуэточка, извивается в танце так, что у меня реально встал. Опускаю взгляд и вижу черные колготки в тонкую сеточку на длинных, стройных ножках и ультракороткие кожаные шорты из лаковой черной кожи. Выше полоска животика, далее тот самый агрессивный топ, выше на шее чокер из кожаной ленты с такой же бархоткой. Длинные почти черные волосы забраны в высокий хвост, глаза подведены раскосой стрелкой, делая ее взгляд кошачьим, гипнотизирующим. Длинные ресницы, маленький носик. Но я зависаю на ее глазах, желтые, почти янтарные и поперечный зрачок. Что за хрень, меня сейчас белочкой накрыло?

Однако отбрасываю эту мысль и целенаправленно иду к ней, толкая плечом танцующих. Вслед мне летят недовольные крики, но я игнорирую, встаю напротив красотки. Та гипнотизирует меня своим взглядом, продолжая двигаться под музыку. Ее тело живет в такт, бедра изгибаются, руки подняты над головой, и я вижу кучу серебряных браслетов. На тонких руках этих самых браслетов штук десять не меньше, а между ними еще и кожаные, плетенные, с разными висюльками. Хрень какая-то, но ей идет.

— Одна? — цепляя ее за талию, одна рука на поясице,

вторая на обнаженной коже живота. Придвигаю ее спиной к себе, заставляя крепкой задницей тереться в танце о мои бедра. Желание такое острое, яркое выстреливает прямо в мозг, отключая там все мысли.

— А есть разница? — томно спрашивает девица, кладет голову на мое плечо, продолжая ерзать задницей по моему стояку.

— Уже нет, — соглашаюсь я и, приподнимая пальцами ее подбородок, впиваюсь в губы. Рукой глажу ее живот, лаская и ныряя пальцами за пояс шорт. Ох, как тут все гладко, что обжигает до одури все мои сексуальные рецепторы. Зарываюсь чуть глубже и едва сдерживаю стон, касаясь лобка и ныряя пальцем в горячую и влажную глубину. Сосемся как безумные, забывая, где мы сейчас находимся. Второй рукой обхватываю ее небольшую грудь через мягкую кожу топа и ойкаю, натыкаясь на шипы.

— Черт, — вынимаю пальцы из ее влажного лона и веду ими по животу, — Поехали отсюда.

Тяну девчонку за руку на выход и вскоре, мы уже сидим в такси, едем ко мне домой, хорошо, что ключи от квартиры всегда в кармане куртки. Расплачиваюсь с таксистом, и мы поднимаемся в квартиру, где я сразу тащу девицу в свою спальню. Падаем на кровать, сдергиваю с нее шорты вместе с колготками и маленькими трусиками. Небольшая заминка с узкими сапогами-чулками и вот я в полном доступе к сладенькому. Девчонка сама уже стянула свой колючий топик

и теперь выгибается под моим языком, комкая простыни в руках.

Одним рывком освобождаюсь от одежды, путаясь в джинсах, но успеваю достать из кармана презерватив. Ее рука обвивает мое запястье и выдергивает серебристый квадратик.

— Не люблю с резиной, — выдыхает она, а я пытаюсь что-то еще сообразить в своей мутной голове, но быстро отбрасываю эту мысль.

Снова набрасываюсь на нее, сосу грудь, крупные коричневые соски с красивой широкой ареолой. Обхватываю руками эти яблочки и не сдерживаю стон, такая прекрасная грудь, что сожрал бы. Впиваюсь в ее шею, как вампир, оставляю красные отметины. Затем опускаю руки и раскрываю ее ноги как можно шире, упираясь коленями в кровать.

Девчонка лежит подо мной, громко и тяжело дышит. Взгляд испуганный, но мне сейчас на все плевать, я хочу туда, в нее. Так хочу, что член сводит от желания.

— Подожди, — вскрикивает она и начинает вылезать из-под меня, — Я передумала.

— Чего? — рычу я.

Это она сейчас серьезно?! Пьяному мужику, который уже у входа в рай, почти упирается членом в сладкие губки, сказать такое?

— Прости, я правда передумала! — взвизгивает она, когда я хватаю ее за волосы и снова впиваюсь в губы, заглушая ее крики.

И вонзаюсь своим членом в горячую и влажную глубину до упора. Ведь хочет, еще как хочет. Я же чувствую, как меня прямо топит ее соками. Мою губу кусают острые зубки, но я не обращаю внимания на боль. Вколачиваюсь своим членом в нее, целую до соленого привкуса в губах, пью ее крики и стоны. На каком-то подсознательном уровне знаю, что нужно выйти, но не успеваю. Кончаю в нее, бурно, до дрожи в ногах, до спазма в сердце. Выхожу из нее и падаю на спину, прикрывая глаза. Меня уносит пьяными волнами, и я отключаюсь. Лишь на какой-то доле секунды своего уплывающего сознания отмечаю, что в ней было просто охуенно узко и она была девственница.

Глава 7

Просыпаюсь от дикой боли в голове и со стоном переворачиваюсь на спину, ловя взрывы в сознании. Такое дикое похмелье я давно не испытывал. Сажусь на кровати, сглатывая противный вязкий ком во рту. Оглядываю комнату на предмет других людей. Помню, что пришел вчера с девушкой, только вот где она. По традиции должна быть на кухне в моей рубашке и готовить мне блинчики, ну или яичницу в крайнем случае.

Мысли о еде заставляют поморщиться, вызывая тошноту. Шлепаю босыми ногами по теплomu полу в ванную, где находится аптечка и растворяю в стакане пару таблеток аспирина. Иначе я не выживу от этой боли. Встаю под душ и закрываю глаза. Пытаюсь вспомнить вчерашний вечер, но он словно растворился бесследно в прошлом. Хотя нет, девчонку смутно помню. И что трахались, помню. Бл* я же с девственницей переспал, вот мудак! Но она же сама начала, согласилась, не сопротивлялась. Я ее не заставлял идти со мной, заниматься сексом. Все по взаимному согласию. Ладно, разберемся по ходу. Если она еще здесь дам ей денег и посажу в такси. Пусть едет к себе домой, а я побуду тут несколько дней. Не хочу возвращаться в отцовский дом и видеть укоризненные взгляды мамы и сестры. Да и похмелиться не помешает.

Выхожу из ванной и иду на кухню, где никого нет. Возвращаюсь в прихожую и там тоже нет вещей девчонки. Ну и ладно, ушла и хорошо. Невелика потеря. Красивая зараза. Странно, что решила вот так вот расстаться со своей ответственностью с первым встречным. Но это не мое дело, я не принуждал, сама все решила.

Привожу себя в порядок, натягиваю спортивные штаны, белую футболку и валюсь на диван. Сейчас посмотрю пару боевичков, может, еще немного посплю. Сегодня день явно потерян, состояние первой паршивости. Даже жрать не хочется. Надо, но не лезет ничего.

Убиваю два часа на просмотр какого-то фильма, муть полная, но я и смотрю сквозь дремоту. Видимо, все же заснул, когда меня будит настойчивый звонок дверь и тут же трезвонит телефон, подпрыгивая на столе. Мама, сейчас начнет мозги вымораживать. Ладно, с ней потом поговорю.

Встаю с дивана и иду открывать, удивляясь, кого принесло. Обычно ко мне никто не приходит кроме мамы, сестры и доставки продуктов. А еще уборщица, но сегодня не ее день.

Открываю дверь и замираю от удивления. Напротив меня стоят два амбала в полицейской форме.

— Высотин Вадим Викторович? — спрашивает один с пышными черными усами. Даже немного пробирает на смех, глядя на его мохнатую красоту. Поэтому отвечаю с улыбкой.

— Он самый, чем могу быть полезен?

— Ты сука не лыбься мне тут, — грубо отвечает второй,

высокий шкаф с гладко выбритой челюстью.

— Саш, ты умерь свой пыл, — толкает его в плечо второй, — Вадим Викторович, прошу вас проехать с нами в отделение.

— Это еще зачем? — напрягаюсь я, перебирая в уме все свои грехи.

В голову лезет всякий бред типа нарушения скорости на мотоцикле, неправильная парковка в центре. Но для этого есть штрафы, а не вот это вот все.

— На вас поступило заявление об изнасиловании гражданки Егоровой Иланы Алексеевны. Знаете такую? — сверлит меня взглядом усатый.

— Че ты с ним нянчишься, Михалыч? — вспыхнул второй, — Забираем в отдел, пусть там и оправдывается.

— Ээ, легче, — пугаюсь я, — Никуда я с вами не поеду.

— А мы и не спрашиваем, — довольно улыбается гладковыбритый, достает из кармана кителя наручники, — Так что, сам пойдешь или поведем принудительно?

— Да вы чего, это какая-то ошибка. Я и не знаю такую.

— Все так говорят, прикинь? — мерзко кривится в улыбке тот, кого называли Сашей, — Никто еще не сказал, когда за ним пришли «А да, было дело, давайте ваши наручники, признаюсь». Так что ноги в руки и на выход.

— Вадим Викторович, вы не волнуйтесь, если ошибка — разберемся, — тянется ко мне усатый, а я делаю шаг в квартиру, чтобы закрыть дверь, — А вот этого делать не нужно,

— второй быстро подставляет ногу, не дает мне закрыть перед ними дверь.

— Ногу убрал, — рычу я, — Сам приеду, адрес скажите.

— Ну уж нет, Вадим Викторович, мы вас довезем с комфортом, как в бизнес-классе.

— Так, я понял, сколько? — шарю по карманам в поисках бумажника.

— Взятка должностному лицу, да, Саш? — переглядываются полицейские, — Признание своей вины на лицо.

— Так, мне нужно позвонить адвокату, — оставляю дверь открытой и иду в гостиную за телефоном.

Тут меня обхватывают сзади за шею, заламывают руки, и вскоре я уже лежу, уткнувшись мордой в пол.

— Он не понял, Михалыч, — застегивает на моих руках наручники гладковыбритый.

— Не понял, — вздыхает усатый, — Веди его в машину, а я тут пока все закрою. Документы ваши, где, Вадим Викторович?

— Да вы права не имеете! — пытаюсь возмущаться я, но меня выводят из квартиры, больно задрал руки за спиной.

Пока едем в отделение нахожусь в каком-то коматозе, иначе никак не объяснить мое состояние. В голове полная пустота, не могу вспомнить кто такая эта Илана и откуда взялась на мою голову. Пакет с телефоном и моим паспортом в руках у усатого, а мне срочно нужно позвонить.

— Дай позвонить, — требую, но меня словно не слышат,

— Позвонить дай!

— Вежливо нужно обращаться, — учит меня гладковыбритый, — Или тебя не учили в школе, что старших нужно уважать.

— Мой адвокат потом объяснит, кого я собираюсь уважать, а кого нет, — огрызаюсь в ответ.

— Михалыч, а парень — то у нас мажористый оказался, — смеется Саня, — Может, отпустим?

Усатый хмыкает, но протягивает мне телефон.

— Один звонок, Высотин и я бы тебе вмазал за девчонку, да успею еще. Ты, сволочь мажорная совсем стыд потерял. Знаешь, что с такими, как ты в тюрьме делают?

Глава 8

В отделе полиции меня промурыжили часов пять и это притом, что я наотрез отказался разговаривать без адвоката. Сделал один звонок, другу своего отца. К вечеру подъехал адвокат, и сразу все зашевелились. Во-первых, я узнал, что доказательства изнасилования предъявлены пострадавшей, так как акт сам был. Во-вторых, оказывается, я ее принуждал, удерживал насильно в своей квартире, заставлял делать нехорошие вещи, и то, что девчонка действительно была девственницей. Со слов девчонки я ее напоил в клубе и повез к себе домой, хотя она и просила отвезти ее домой. У меня дома ей стало плохо от выпитого, а дальше я не только не оказал ей помощь, а грубо взял, несмотря на то, что она сопротивлялась.

— Убью заразу, — выдохнул я, сжимая кулаки, когда мы вышли на крыльцо здания полиции.

— Ээ, нет, Вадим Викторович. Сейчас вы поедете к этой девушке и будете договариваться, — поправляя кашемировый шарф в сине-белую полосочку, адвокат сунул свой дорожный портфель между ног и одевался, застегивая черное пальто.

— На хрена? Я ее не насиловал! — возмутился я.

— Не на хрена, а какого хрена вы переспали с первой попавшейся девицей из клуба? — усмехнулся Алексей Митро-

фанович.

Я его знал давно, он с отцом работал, а теперь получается, что и на меня. Толковый мужик, но зануда, каких поискать.

— Учить меня будешь, с кем спать или нет? — проворчал я, усаживаясь в черную машину адвоката.

— Я предъявлю счет с моей комиссией и приплюсую сумму залога, — не обращая внимания на мои слова, адвокат продолжал заниматься своими бумагами.

— И как мне с ней договариваться?

— Обещайте что угодно, но нужно, чтобы она сегодня забрала заявление об изнасиловании.

— А если не захочет?

— А вы, Вадим Викторович, сделайте так, чтобы захотела, — взглянул внимательно на меня из-под очков адвокат, — Вы вообще в курсе всей ситуации с холдингом и акциями вашего отца?

— Не знаю, — отворачиваясь к окну, чувствую свою вину. А ведь и правда, после смерти отца больше месяца прошло, а я даже не поинтересовался, что вообще происходит в компании.

— Вы бы уточнили, иначе все состояние можете потерять. После того как Артура Владимировича обвинили в убийстве, акции компании здорово упали в цене. Договора расторгаются с большими неустойками, на вашу компанию подают в суд. Считаю Максим Эдуардович и его отец, пока спасают положение, но если сейчас вылезет еще и скандал с вами,

причем мало нам убийства, а тут еще изнасилование....

Адвокат разводит руками и снова возвращается к своим бумагам. А я удивленно смотрю на него, как баран на новые ворота. Что еще случилось за этот месяц, пока я беспробудно пил?

— Муж Лики обвиняется в убийстве?!

— Вы не знали? Да, Вадим Викторович, пора вам заняться своей жизнью. В том числе вспомнить, что у вас есть сестра и мать.

— Не надо вот мне тут мораль читать, — огрызаюсь я, на что Алексей Митрофанович пожимает плечами.

Затем снимает очки в тонкой золотой оправе и поднимает взгляд на меня. Смотрит задумчиво, оценивающе.

— Я знаю вас с самого детства, Вадим Викторович, вы неглупый, образованный человек. В вас есть сострадание и как бы вы ни казались равнодушным ко всему, что происходит, думаю, вы все же не хотите в тюрьму. И не хотите, чтобы дело вашего отца было разрушено, превращено в ничто. Поэтому сейчас мы приедем к девушке, которая правдиво или нет причинила вам некоторые... Неудобства, и вы сделаете все возможное, чтобы заявление исчезло из отдела полиции. А дальше уже моя работа. Сейчас главное, чтобы ни один скандал не лег пятном на компанию вашего отца, а, соответственно, и на вас.

Отворачиваюсь от него, прав мужик, что тут скажешь. Осматриваю какие-то развалившиеся дома, да и дорога вся

в ямах, по бокам грязь.

— Куда это мы приехали? — за разговором даже не заметил, в какую глушь заехали.

— А здесь живет ваша красавица, — усмехается адвокат, — Советую вам взять с собой Славу. Район довольно неблагополучный, как вы уже поняли.

Подъезжаем к ободранной пятиэтажке, и я выхожу из машины. Прикуриваю, оглядывая заброшенный какой-то двор, заваленный всяким хламом. Даже не думал, что в Москве еще остались такие. В самой пятиэтажке ни одного пластикового окна, некоторые вообще разбиты и заткнуты какой-то ветошью. Дверь подъезда отсутствует, а впрочем, нет, вон она валяется на земле.

— Н-да... — произносит Слава, что тоже вышел из машины и встал со мной рядом.

Этого охранника и водителя я знаю, работал раньше у отца. Может, и сейчас работает, но после похорон я его не видел.

— А ты, где сейчас? — спрашиваю Славу.

— Меня Максим Эдуардович пока водителем в офис определил, — охотно отвечает Слава, — Но говорят, скоро к Кире Викторовне приставят. У вас кто-то увольняется.

— Да? — хмурюсь, видимо, мама всем заведует. Я как-то и не лез во все это, впрочем, мне неинтересно.

— Пошли, — выкидываю докуренную сигарету и иду к подъезду.

Поднимаюсь на второй этаж, задыхаясь от вони в подъезде, стараясь не касаться грязных и обшарпанных стен. На нужной квартире нет звонка, стучу ногой, так как не хочу касаться руками. Дверь открывают после пятого удара.

— Какого ху* долбишь?! — кричит девчонка в спортивных мужских штанах и какой-то серой ободранной футболке.

Зависаю на ее лице, получая охрененный шок от увиденного. На моей памяти в тот вечер я видел довольно созревшую девицу при макияже, в другой, нормальной одежде. Сейчас передо мной стоит реально девчонка с двумя толстыми косичками из темно-каштановых волос и офигительными губами. Именно так. Они пухлые, красиво очерченные. Залипаю на этих губах и вижу, как они презрительно кривятся.

— Че пришел? — выпускает пузырь из розовой жвачки девчонка, — Заявление не заберу. Так что можешь убираться куда подальше.

— Бл** тебе сколько лет?! — хрипло спрашиваю я, оглядывая ее с головы до ног.

— Половой возраст уже наступил, еще че рассказать? Дереву до девятого колена надо?

— Чего?!

— Еще и тупой, — вздыхает девица и тянет изо рта жвачку.

Затем делает то, что я вообще не мог бы представить в реальной жизни. Скатывает тонкими пальцами комочек и под-

тягивается на носочках, впечатывает в мой лоб свою жвачку.

— Все, вали, поговорили, — и захлопывает перед моим носом дверь.

Охренеть просто!

Глава 9

Стою со жвачкой во рту, слышу тихий смех Славы позади себя. Злость поднимается изнутри, заставляя напрячься всем телом.

— Да я тебя сейчас бл*** такая! — пинаю со всей силой дверь и вышибаю замок с куском доски.

— Вадим Викторович! — кричит мне в след охранник, а я уже ничего не слышу.

Иду по коридору, заглядывая вначале на кухню, где еще грязнее, чем в подъезде и стоит ряд бутылок из-под водки. Затем в спальню, где открыта балконная дверь, а девчонка сидит на перилах, почти свешивается спиной вниз.

— Подойдешь, отцеплю руки, — я вижу, как побелели ее костяшки, она цепляется за балконные перила.

Встаю как вкопанный, шумно дышу, пытаюсь как-то успокоиться. Поднимаю руку и смахиваю жвачку со своего лба.

— Зря, третий глаз открылся, тебе шло, — улыбается девчонка.

— Хорошо, упадешь, только покалечишься — выдавливаю из себя.

— Пусть, опять ты будешь виноват, — невозмутимо произносит девчонка.

— Ты же знаешь, что у нас все было с тобой по обоюдному согласию, зачем это сделала? — пытаюсь говорить спокойно,

без крика.

— Докажи, — невозмутимо отвечает она.

— Что доказать?

— Что по согласию, — кивает в ответ.

— Ну ты и тварь, — вырывается из меня.

— Возможно, смотря с какой стороны посмотреть. — пожимает она плечами и чуть не падает с балкона, потеряв на секунду равновесие, — Ух ты, адреналинчик пошел.

— Аа, я понял, ты ку-ку, — показываю пальцем у своего виска.

— Неа, просто мне все равно, — охотно отвечает девчонка, — А ты че пришел-то? Заявление чтобы забрала?

— Да, если у тебя есть совесть... — начинаю я, а эта сучка начинает ржать.

— У меня что? — сквозь смех произносит она, а я разглядываю ее. И правда, красивая, даже сейчас в этом тряпье уродском, без косметики. Фигура зачетная, понимаю, почему я на нее полез, наплевал на мозги и осторожность.

— С совестью, видимо, промахнулись, но я же тебе ничего не сделал, чтобы в тюрьму меня или сделал? Только вот вопрос, что? — пытаюсь хоть как-то наладить с ней контакт.

Девчонка отсмеялась и смотрит на меня внимательно, разглядывает мою одежду, кроссовки. Заглядывает за мою спину, мазнув взглядом по Славе. Затем спрыгивает с перил и заходит в комнату. Прикрывает балконную дверь, и я понимаю, как оказывается, тут стало холодно. На улице не май

месяц, но и в самой квартире дубак.

— Как ты здесь живешь? — оглядываюсь по сторонам.

Замечаю старый ободранный диван, проваленное кресло, обшарпанный комод. В этой комнате чище, чем в коридоре и кухне, но ободранные обои и линолеум кусками все равно придают комнате неряшливый вид. На диване аккуратно сложено постельное белье, старое, с выцветшим рисунком, но чистое.

— Не нравится? — ухмыляется девчонка и садится в кресло, закинув ногу на ногу.

— Нет, — правдиво отвечаю я и осматриваюсь, куда бы сесть, но принимаю решение постоять. Только руки засовываю в карманы джинсов, — Поговорим? — предлагаю девчонке.

— Поговорим, — соглашается она, а я внутренне ликую. Раз пошла на контакт, значит договоримся, — Пусть он выйдет, — указывает кивком на Славу.

Я подтверждаю взглядом, и охранник уходит в коридор.

— Твой охранный пес? — улыбается девчонка, являя неожиданно белые и ровные зубы.

Вообще, если бы не ее одежда и обстановка, я бы подумал, что она не здесь росла. Невозможно в таком месте так выглядеть. Мало того что у нее красивая немного смуглая кожа, так больше всего поражают волосы. Даже сейчас, заплетенные в косы, я вижу, что, если их распустить будет просто шикарная грива. Смутно помню эти волосы тогда в клу-

бе, но внезапно вспоминаю запах этих волос. Что-то легкое, цветочное, весеннее.

— Оставим Славу в покое. Ты не ответила на мой вопрос?

— Какой?

— Как ты здесь можешь жить в таких условиях?

— Не всем повезло родиться с золотой ложкой во рту, — огрызается девчонка.

— Так вот, в чем дело, — усмехаюсь я, — Ты мстишь таким, как я?

— Таким как ты? — снова смеется она. Мне неожиданно нравится ее смех, такой не наигранный, правдивый, легкий, словно перезвон колокольчиков, — Много чести, не находишь?

— Кто тебя знает, просто мы с тобой знаем, что в ту ночь все было, между нами, с согласия обоих. Ведь так?

— Если у тебя в кармане диктофон, можешь не стараться, — перестает усмехаться девчонка.

— Нет ничего, все в полиции выгребли, — демонстративно выворачиваю карманы кожаной куртки и внутренний тоже.

Смотрю, как из глаз девчонки пропадает воинственность, уступая место какому-то облегчению, что ли?

— Заберешь заявление? — смотрю ей в глаза, пытаюсь поймать эмоцию, но та умело прячет все свои чувства.

— Нет, — усмехается она.

— Но почему?! — вскакиваю с дивана и начинаю ходить

по комнате, словно зверь мечусь в клетке.

— Хотя... Если ты исполнишь мое желание, а точнее, три, — задумчиво произносит девчонка, — Ты, случайно, не Золотая рыбка, что упала мне между ног?

— Сука, — вырывается из меня.

— Илана, — поправляет она.

— Да нет, именно сука.

— Ой, вот только давай без оскорблений, хорошо? — недовольно кривится девчонка.

Пару минут молчу, смотрю на нее, собираюсь с мыслями. Впрочем, что тут думать, понятно, что ей нужны деньги. Если бы я так жил как она, то также бы воспользовался возможностью заработать. Пусть и таким способом.

Присаживаю все-таки на диван, на самый край и внимательно смотрю на Илану.

— Говори свои желания, — стараюсь говорить ровно, без особых эмоций.

— Первое — это квартира в Москве, я сама выберу, где и какая, не бойся, дорого не возьму, — начинает загибать пальцы Илана, а я усмехаюсь.

— Не хило, ты точно того стоишь?

— Не я, а твоя свобода, мой дорогой, — поправляет девчонка.

— Жги второе, — мне даже становится интересно, что там еще.

— Любой институт на мой выбор, оплата всего курса обу-

чения.

— А ты поступишь? — уже открыто усмехаюсь я.

— А ты сделаешь, чтобы я поступила, — копирует мою усмешку Илана, — Да и я не дура, в отличие от тебя.

— Ой ли! — произношу издевательским тоном.

— Без ой ли. Третье желание говорить?

— Валяй.

— Замуж за тебя.

Вначале я просто откинул челюсть в шоке, а потом начал хохотать, да так, что до слез и колик в животе. Илана сидела и надувала очередной розовый пузырь, смотрела на меня, терпеливо ожидая пока успокоюсь.

— Зачем тебе это? — сквозь смех спрашиваю ее.

— А если я беременна? Да и вообще, хочу фамилию поменять, — на полном серьезе заявляет девчонка.

Я понимаю, что Илана сейчас не шутит. Вот ни хрена не смешно уже. Встаю с дивана и застегиваю молнию на куртке. Смотрю на эту идиотку, которая все профукала. Могла бы получить денег и жить нормально.

— Нет, — отвечаю ей и выхожу из комнаты, минуя коридор, где меня ждет Слава и открываю дверь в подъезд. Да пошла она, сучка недоделанная!

Глава 10

— Как прошел разговор? Потерпевшая заберет заявление? — спрашивает меня Алексей Митрофанович, как только сажусь в машину и Слава трогает автомобиль с места.

— Нет, — коротко отвечаю ему, отворачиваясь к окну.

— Слава, разворачивайся! — приказывает водителю адвокат, — Вы, видимо, не поняли, что я вам сказал до этого, да, Вадим Викторович?

— Да все я понял! — взрывает меня, — Она выдвинула условия, на которые я не могу согласиться!

— Какие? — спокойно спрашивает адвокат.

Перечисляю ему все, что сказала мне Илана, а Алексей Митрофанович хмыкает:

— И что? Подумаешь, вполне ожидаемо. Умная девочка.

— Да какая она умная?! Вымогательница бесстыжая, вот она кто!

— Почему же? Я бы тоже сделал все что угодно, лишь вылезти из этой ямы, — указывает на окно машины адвокат, — Сейчас вы возвращаетесь обратно и соглашаетесь на все, что она хочет.

— Мне плевать на квартиру, что я должен ей купить, на институт вообще насрать, но жениться на ней я не буду.

— А в чем собственно проблема? Разведетесь через месяц и все. За месяц я подчищу все так, что никто не подкопается.

Потом она может говорить что угодно, мы ее еще и засудим за клевету.

— Месяц? — задумчиво произношу я.

— Месяц достаточно, — кивает Алексей Митрофанович, а машина снова останавливается у подъезда Иланы, — Идите и сделайте так, чтобы девушка забрала свое заявление пока не поздно. Главное, чтобы она не успела никому ничего сказать обо всем, особенно журналистам.

Выхожу из машины и вижу девчонку сидящей на лавочке с небольшим рюкзаком в руках.

— Вернулся? — смотрит на меня своими глазищами.

— Думаешь за тобой?

— А как же, я тебе нужна.

— Скорее, я тебе, — морщусь от ее вида.

Снова в своих шортах, топике и колготках в сеточку. Сейчас замечаю, что лаковые сапоги немного потерты на носу и каблуках.

— А другой одежды нет?

— Неа, купишь? — поднимается с лавки и берет свой рюкзак в руки.

Что-то думает и достает из кармашка какие-то документы, а сам рюкзак кидает в стоящий неподалеку контейнер для мусора.

— Это старье мне не пригодится, — поясняет мне и идет к машине, а я провожаю взглядом ее фигуру. Вот ведь уродилась какая, красота, одним словом.

— Ты так уверена была, что вернусь? — хмыкаю я, сажусь в машину на переднее пассажирское сидение.

— Нет, но я бы туда, — кивает на дом, — Уже не вернулась больше, — забирается на заднее сидение и улыбается адвокату, который рассматривает ее во все глаза.

— Хмм, милая леди, позвольте представиться, Алексей Митрофанович, адвокат, а вы я так понимаю потерпевшая?

— Ага, едем в ЗАГС? — улыбается девчонка, надувая розовый пузырь.

— Нет, сначала в полицию забирать заявление, — рычу я, поворачиваясь к ней.

— Ну нет так нет, — снова открывает свою дверь Илана.

— Да погоди ты! — хватаю ее за руку, — Мы успеем и туда, и туда?

Адвокат смотрит на свои золотые часы и кивает.

— Садись, в ЗАГС едем, — рычу я, дергая Илану обратно, — Только тебе переодеться бы.

— Нет времени, Вадим Викторович, иначе не успеем потом в полицию, — предупреждает Алексей Митрофанович.

— Хрен с ней, пусть так идет, — смиряюсь с неизбежным и велю Славе ехать.

В ЗАГСе на удивление все быстро, нас расписывают без лишних эмоций. Если не считать косых взглядов на одежду Иланы. Получаю свой паспорт с печатью о браке и тяжело вздыхаю, рассматривая регистрацию. Илана стоит чуть в стороне, тоже смотрит в свой паспорт, а потом убирает в су-

мочку. Подходит ко мне, сияя довольной улыбкой.

— Ничего, я тоже первый раз замуж вышла, прикинь? — бьет меня кулачком в плечо Илана, — Теперь я Высотина, да?

— Да, — недовольно отвечаю ей.

— Карточку мне сделаешь, муж? А то мне даже спать не в чем, — продолжает кривляться девчонка. Крутится вокруг себя, демонстрируя мне свою одежду или ее минимальное присутствие.

— В полицию сходишь, будет тебе карточка, — ухмыляюсь я.

— Без проблем, че там делать нужно?

Пока они с Алексеем Митрофановичем скрываются в отделении полиции, чтобы забрать заявление, я стою и курю у машины. Слава снова рядом со мной, молчит и смотрит в сторону цветочного магазина.

— Я сейчас, Вадим Викторович, — и он уходит.

Минут через десять возвращается с большим букетом белых роз.

— Вот, жене подарите, — улыбается и протягивает мне.

— Ты ничего не попутал, Слав? — щурюсь, зло смотрю на довольного водителя, с лица которого сползает улыбка, — Своей жене я буду сам дарить цветы, понятно? И это будет другая жена! — беру у него цветы и швыряю на асфальт, прямо к ногам Иланы, которая только что подошла.

Девчонка смотрит на красивые бутоны, широко раскрыв

глаза, а мне становится неудобно.

— А знаешь, муж, — наконец, произносит Илана и наклоняется, чтобы поднять цветы. Встряхивает их, отрывает сломанные бутоны, — Мы негордые, нам и такие цветы подойдут. И пусть даже они не от мужа. Люблю цветы, вот хлебом не корми.

Садится в машину, громко хлопая дверью. Да и хрен с тобой, вылезла из своих трущоб, а корчит из себя принцессу помойки.

— Забрала заявление, теперь все нормально? — спрашиваю у адвоката, который молча стоит рядом.

— Да, но напоминаю, что вам нужно прожить с девушкой хотя бы месяц, пока все уляжется. Но, судя по всему, вы и за этот срок все испортите. Постарайтесь, Вадим Викторович, больше не портить девочке настроение, договорились?

— Да пошел ты, — тихо отвечаю ему и сажусь в машину. Достали все.

Глава 11

Приезжаем к моему дому и прощаемся с адвокатом. Поднимаемся на мой этаж и открываю дверь, впуская Илану. Снимаю с себя куртку, прохожу в гостиную. Девчонка идет за мной, стянув с себя сапоги. Наблюдаю за ней, отмечая про себя какая все-таки у нее классная фигура. Возможно, в этом браке и будут свои

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.